
ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот день навсегда вошел не только в историю, но и в мою жизнь. Утром 19 августа 1991 года, разбудив меня, отец сказал о ГКЧП. Я бросился к телевизору и следующие три дня почти не отходил от экрана, одновременно слушая западные радиоголоса. Помню, что, с одной стороны, ощущал какую-то гнетущую безнадежность и отчаяние от того, что перестройке пришел конец и не будет больше ни свободы слова, ни свобод вообще, а с другой стороны, — охватило чувство сопричастности к великому историческому событию, сродни тому, что Федор Тютчев описывал словами «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!», острого осознания, что на моих глазах происходит нечто грандиозное, сопоставимое только с событиями 1917 года, и я всему этому свидетель.

Двадцатилетний провинциальный юноша, книжный червь, живший радио- и телепередачами, я испытывал острую потребность поделиться распивавшими меня ощущениями, но не знал с кем. Я выходил из дома на тульские улицы, ожидая увидеть бурную реакцию жителей на происходящее в Москве. Но — и это было едва ли не бóльшим шоком, чем само известие о ГКЧП, — я не видел никаких стихийно собирающихся толп, обсуждающих последние известия, в транспорте не слышал никаких разговоров о происходящем. Шла привычная жизнь — как вчера и позавчера.

Мой отец был тогда вторым секретарем Тульского обкома КПСС — должность на 1991 год не столь значительная, как прежде, ибо партия стремительно теряла рычаги управления и подвергалась бесконечному поношению. Двумя месяцами ранее Тулу посетил Борис Николаевич Ельцин в рамках своего предвыборного тура (именно тогда состо-

ялось его знакомство с Павлом Грачевым, имевшее столь значительные последствия в дни ГКЧП). На площадь перед местным «белым домом» его вышли встречать десятки тысяч людей. Эйфория от его личности еще не проходила, население Тулы, как и других городов РСФСР, измученное беспрерывно ухудшающейся ситуацией в стране, возлагало на Ельцина самые невероятные ожидания.

В памяти остался следующий эпизод. Весна 1991 года. Я захожу в овощной магазин в Туле. Громко включено радио: выступает Михаил Сергеевич Горбачев. Продавщица — крепко сбитая женщина средних лет, в типичной для своей профессии ватной безрукавке, громко восклицает, возвышаясь над грязным прилавком с мелкой картошкой и вялой морковью, густо облепленными землей, — «как же он надоел! Кажется, сама бы взяла в руки ружье и застрелила!». Таково было отношение людей к центральной власти. Бесконечные пустопорожние речи Горбачева раздражали своей беспомощностью. На его фоне Борис Ельцин — такой же партработник и его одноклассник, оказавшийся более хитрым политиком, выглядел свежим и многообещающим.

Провал ГКЧП имел для моей семьи большие последствия. 23 августа Ельцин эффектно подписал, во время выступления Горбачева в Верховном Совете РСФСР, как выразился российский президент, «для разрядки», указ о запрете Коммунистической партии Советского Союза. Генсек запрещаемой партии беспомощно пытался возражать с трибуны, лишь подчеркивая свою никчемность. И сразу же по всей России прокуроры начали опечатывать помещения партийных органов, позволяя выносить из кабинетов лишь личные вещи. Отец позвонил мне, велел срочно прийти к обкому — вышеупомянутому «белому дому». Он хотел передать электрообогреватель, который где-то купил, но все не удосуживался принести домой, чтобы тот не пропал в суматохе опечатывания. Поскольку входы в здание были перекрыты и вынести его было невозможно, обогреватель положили (отец или его помощник) под решетчатую ограду, преграждавшую вход во внутренний двор четырехугольника обкома, и мне надо было его из-под нее вытащить.

Но не тут-то было — «белый дом» по периметру оцепили откуда-то взявшиеся дружинники с красными повязками, и одним из них был мой бывший однокурсник, активист местного демократического движения, выгнанный из института. Я, естественно, не рискнул приближаться к

ограде, и электрообогреватель пропал в хаосе революции. Так в моей персональной истории трагическое смешалось с комическим.

Но куда важнее была потеря отцом работы — его вместе с другими работниками обкома вывели из здания под улюлюкающие крики собравшейся толпы. В одну минуту обнулилась вся его предшествующая комсомольско-партийная карьера, и в 46 лет надо было все начинать сначала и как-то кормить семью. Тогда я этого не понимал. Напротив, в душе я был рад, что наконец-то никто не сможет назвать меня «сыном партийного работника», что нависало надо мной как проклятие, особенно в последние три года, когда партию стали поносить все кому не лень, и я чувствовал себя как еврей в нацистской Германии в первые годы нацизма.

После трех дней ГКЧП страна кардинальным образом изменилась. Запрет КПСС — стового хребта советской империи — означал ее кончину, и через четыре месяца она исчезла с лица земли.

Сегодня, спустя почти 30 лет после описываемых событий, история с ГКЧП воспринимается не так серьезно. Многие современники о ней уже забыли, а для молодого поколения она и вовсе не существует. В поведении людей, «не замечавших» переворота в Москве и живших своей привычной жизнью, я вижу больше житейской мудрости, нежели в моем иступленном состоянии юноши, не умудренного опытом. Ныне действия ГКЧП представляются мне лишь эпизодом, хотя и ключевым, в трагическом распаде страны.

* * *

История распада СССР представляет собой уникальное событие в мировой истории. Огромная империя рухнула всего лишь за шесть с половиной лет в результате действий его верховного руководства. Советскому Союзу ничто не угрожало извне. В 1985 году, когда к власти пришел Михаил Горбачев, в стране отсутствовала внутренняя оппозиция — диссиденты в основном были разгромлены, Александр Исаевич Солженицын находился в изгнании в Америке, а Андрей Дмитриевич Сахаров в ссылке в Горьком. Именно генеральный секретарь ухитрился своими руками создать себе оппозицию — вопреки собственным намерениям, а экономические реформы, призванные поднять народное хозяйство, обрушили его.

СССР в 1985 году выглядел невероятным явлением. В нем жили люди, которые не представляли себе иного существования. Да, они были многим недовольны, в первую очередь постоянным дефицитом товаров и продовольствия, но в целом не видели альтернативы системе, которая худо или бедно давала работу и крышу над головой и не допускала голода.

За три поколения советского времени историческая память об имперской России до 1917 года была полностью утрачена. Перемен хотели, но именно в рамках сохранения привычных порядков. Та жизнь, которая по меркам любого иного общества воспринималась бы абсурдной, самим жителям СССР представлялась в основных своих чертах вполне нормальной. Но что это была за жизнь?

В магазинах имелся лишь самый элементарный набор продуктов, гарантировавший невозможность голода, но не более того. Сельское хозяйство было вопиюще неэффективным — и это видели все. Десятки миллионов школьников, студентов, научных работников, инженеров, рабочих, солдат ежегодно отправлялись в деревню для помощи в работах. Но все равно — мяса в магазинах практически не бывало, а зерно миллионами тонн закупали за границей. 90 процентов картофеля — основной пищи советского человека — выращивалось на приусадебных участках. Потребительские товары были низкого качества, и их приобретение также превращалось в охоту. Говорилось «достать», а не «купить». Любая модная вещь являлась дефицитом по определению — от дубленки до магнитофона, от автомобиля до мебельной «стенки».

Помимо нехватки продуктов и товаров, остро стояла жилищная проблема — жилья не хватало, и семьи ютились по три поколения в маленьких квартирах. Миллионы семей, особенно в частном секторе, были лишены канализации и водопровода. Десятки миллионов людей проживали в бараках, общежитиях, коммунальных квартирах.

Молодежь раздражало отсутствие доступа к популярной музыке и фильмам, вообще к современной западной массовой культуре и к модной одежде. Собственно политической цензурой были недовольны лишь немногие, равно как и подавлением религии, вытесненной на обочину жизни общества. Вспоминаю, что впервые я взял в руки Библию в 18 лет, в 1989-м, да и то, как я теперь понимаю, это было одно из протестантских изданий.

Следствием как идеологических, так и социально-бы-

товых неурядиц был массовый алкоголизм. Поколениям, не заставшим СССР, хотя бы и поздний, трудно представить то повсеместное пьянство, которое буквально захлестывало страну, в первую очередь славянские республики — РСФСР, УССР, БССР.

Технологически Советский Союз во многом отставал от Запада, в частности в сфере IT-технологий. Вновь не могу не поделиться личным опытом. В школе у нас в десятом классе (1987/88) уже были введены уроки информатики. Но компьютеров мы в глаза не видели, и вся «информатика» сводилась к пересказам учителя о том, что из компьютерной техники он видел в областном центре. А наблюдал он, что теперь понятно, совсем примитивные ЭВМ, тогда как в США уже в 1985 году была создана программа *Windows*, а население обладало более чем миллионом персональных компьютеров.

Достижения по части военно-промышленного комплекса и космических исследований не должны вводить в заблуждение. К 1985 году отставание СССР в освоении космоса было уже налицо. Американцы не только побывали на Луне, утерев Советам нос, но их летательные аппараты достигли Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна, и корабль «Вояджер-2» двигался к Урану и Нептуну. Помню свой восторг от снимков этих планет, черно-белых и редко публиковавшихся в советских газетах и ярких цветных в журнале «Америка». Кроме того, у США имелся космический челнок, казавшийся техникой XXI века на фоне привычных советских ракет и кораблей «Союз», а 25 апреля 1990 года на земную орбиту с помощью космического корабля многоцветного использования «Дискавери» был выведен телескоп «Хаббл», расширивший человечеству границы непознанного.

Идеологически СССР также сильно проигрывал Западу. Советская культура — музыка, фильмы, живопись, книги — не котирировалась. Происходило своего рода паразитирование за счет давних достижений в классическом балете и т. п., но ничего современного СССР предложить не мог — в эпоху массовой культуры страна безнадежно отстала, все новое приходило только с Запада — рок-музыка в первую очередь. То же касалось и кино, второго массового продукта поп-культуры. За редким исключением продукцию советских киностудий нельзя было даже сравнивать с Голливудом.

Левая идея в мире давно уже видоизменилась, если сравнивать с началом XX века. На первый план выходили гендерные, экологические и другие нестандартные проблемы.

А СССР все топтался вокруг диктатуры пролетариата. Крупнейшим «достижением» стала теория «развитого социализма», в мире мало кому интересная. «Советская религия» — марксизм-ленинизм, предлагавшийся в качестве единственно допустимой идеологии, вызывал лишь усмешку. Население массово слушало западные радиоголоса и привыкало жить двойной моралью.

Советский Союз даже социалистами разных мастей воспринимался как закосневшая в своей негибкости и архаичности держава. В послесталинское время страна потеряла ключевого союзника — Китай, который стал прямым противником, на противостояние с которым также приходилось выделять огромные средства, помимо расходов на холодную войну с Западом во главе с США. Раскол с Китайской Народной Республикой (а кроме того, с крошечной, но вполне себе «социалистической» Албанией) дискредитировал СССР, он больше не мог позиционироваться как главная страна социализма, ибо в Поднебесной проживало почти в три раза больше населения, чем в Советском Союзе вместе с его союзниками. Вышли из-под контроля Румыния и Северная Корея, еще со сталинских времен оставалась независимой Югославия. В послесталинское время приобретений оказалось немного — Куба, Вьетнам с Кампучией и Лаосом, Ангола и Эфиопия. Но, говоря современным языком, все это было «проблемными активами», поглощавшими огромные средства без какой-либо явной отдачи.

В третьем мире имелось еще несколько союзников разной степени близости, попадавших под понятие «сферы влияния», — Никарагуа, Мозамбик, Южный Йемен и т. д. В целом же явного перехода к социализму от капитализма, феодализма или родо-племенного строя в планетарном масштабе не происходило. Даже в «старых» социалистических странах Восточной Европы, сохранявших безусловную верность СССР, время от времени случались волнения и бунты, показавшие всю эфемерность их идеологического выбора, — в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м, неоднократно в Польше, в последний раз, наиболее масштабно, в 1980—1981-м.

Но самой острой проблемой к 1985 году стал Афганистан, не признаваемая война в котором доставляла СССР множество неприятностей во внешней политике, гибли люди, затрачивались огромные средства. В условиях того времени открытых антивоенных выступлений быть не мог-

ло, но раздражение подспудно нарастало. Политинформаторам задавались неудобные вопросы, на кладбищах росло число солдатских могил без указания причин их гибели, это было запрещено, сотрудникам военкоматов давали большие взятки, чтобы сыновей не направляли в Афган, а неприятные объяснения с начальством нередко заканчивались знаменитым «я вас в Афганистан не посылал».

Гонка вооружений протекала так давно, что не вызвала такой реакции, как афганская война, к тому же она не имела явно выраженных последствий, но они были отчетливо заметны тем, кто принимал решения в СССР, впрочем, было понимание и у простых людей — «многого у нас нет, поскольку надо крепить оборону». Огромные военные расходы ложились тяжелым бременем на бюджет страны. Каждый виток холодной войны требовал все более сложной техники, рейгановская инициатива 1983 года — «Стратегическая оборонная инициатива», более известная как «Звездные войны», вызвала буквально панику у кремлевского руководства, ибо означала необходимость новых колоссальных затрат.

Разрядка международной напряженности начала и середины 1970-х годов сменилась после 1979 года усилением противостояния. Встречи на высшем уровне СССР — США прекратились. Америка наступала на Советский Союз по всем фронтам. Она бойкотировала Олимпийские игры в Москве 1980 года, СССР — в Лос-Анджелесе в 1984-м. Фактически Советский Союз был вынужден в одиночку противостоят самой богатой и мощной стране мира — США, вкуче с ее союзниками, среди которых были такие индустриальные гиганты, как Япония (третья экономика мира) и ФРГ, и такие ядерные державы, как Великобритания и Франция. Кроме того, с восточного тыла ему угрожал миллиардный Китай, также ядерный, стремительно развивавшийся в результате реформ Дэн Сяопина, который в 1979-м уже открыто нападал на советского союзника — Вьетнам — и активно, вместе с Западом, помогал афганским моджахедам.

Можно перечислять еще много проблем — и экологические бедствия, начиная от уничтожения целого моря — Аральского, и, напротив, затопления сотен тысяч гектаров плотинами ГЭС на Волге и Днепре; и ситуацию с преступностью — банды терроризировали и школы, и ПТУ, и целые городские районы, а по количеству заключенных на душу населения и по общему их числу СССР находился в мировых лидерах; и дедовщина в армии, означавшая

не просто криминализацию вооруженных сил, но и неспособность командования навести элементарный порядок в частях; и провалы в здравоохранении — Советский Союз являлся страной, где ведущим методом контрацепции оставались аборты.

* * *

Главой Советского государства в марте 1985 года стал Михаил Сергеевич Горбачев. Его избранию генсеком предшествовали два коротких правления Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, которые с позиций сегодняшнего дня выглядят междуцарствием.

Михаил Горбачев принадлежал к числу последних выдвиженцев Леонида Ильича Брежнева. Он был переведен в Москву секретарем ЦК по сельскому хозяйству из Ставрополя, где работал первым секретарем крайкома КПСС, в 1978 году, в возрасте сорока семи лет. По меркам тогдашней геронтократии это был совсем юный возраст, но Горбачев уже успел пройти большой путь в плане карьеры. Внук председателя колхоза, он умудрился получить за ударный труд в поле в возрасте восемнадцати лет орден Трудового Красного Знамени, послуживший ему путевкой в жизнь — с такой наградой он смог поступить в Московский государственный университет (МГУ) им. М. В. Ломоносова на юридический факультет без экзаменов.

Провинциальный юноша не особенно выделялся среди других студентов, хотя и занимался общественной работой, и в 1955 году, по окончании университета, вернулся на родину. Но пойти по юридической стезе ему не пришлось, выпускник столичного вуза, да еще МГУ, сразу был примечен в крайкоме комсомола и приглашен на работу в ВЛКСМ.

Карьера сообразительного Миши развивалась стремительно. Уже в 1956 году он первый секретарь Ставропольского горкома комсомола, а в 1961—1962 годах — первый секретарь Ставропольского крайкома. Далее Горбачев перешел на партийную работу, умея выстраивать отношения с менявшимися первыми секретарями. Будучи юристом, он получает второе высшее образование, окончив Ставропольский сельскохозяйственный институт. В 1970 году Горбачев становится самым молодым в стране первым секретарем крайкома (обкома).

Возглавив один из основных зерновых районов страны, он оказывается на хорошем счету в ЦК и лично у Леонида

Брежнева как энергичный руководитель, разбирающийся в аграрном секторе. Поэтому, когда в 1978 году скоропостижно умирает член политбюро и одновременно секретарь ЦК, курирующий сельскохозяйственный сектор, Федор Давыдович Кулаков, его преемником становится 47-летний Михаил Горбачев, опять-таки самый молодой человек на таком посту в то время. Разумеется, когда Брежнев предлагал Горбачеву перейти из Ставрополя в Москву, он вряд ли видел в нем своего последователя. Ему нужен был надежный и активный помощник по вопросам сельского хозяйства — извечно слабого звена советской экономики.

Надо заметить, что в 1976 году секретарем ЦК КПСС был избран и другой «молодой» партийный работник с периферии — первый секретарь Свердловского обкома Яков Петрович Рябов (преемником которого стал Ельцин). Рябов возглавил военно-промышленный комплекс (ВПК) вместо ставшего министром обороны Дмитрия Устинова и, одновременно, курировал деятельность административного отдела ЦК КПСС, то есть все силовые органы.

Я полагаю, что именно Рябова Брежнев и видел своим потенциальным преемником, для чего и поручил ему столь важную должность. Однако напористый и резкий Яков Рябов вступил в конфликт с Устиновым, который не желал терять контроль над ВПК, и проиграл ему в аппаратной борьбе, итогом которой стал его сравнительно быстрый уход с должности секретаря ЦК КПСС в начале 1979 года.

Горбачев же, оказавшись в Москве, повел себя куда хитрее и дипломатичнее. Он вообще обладал способностью уживаться с любым начальством и нравиться своим непосредственным руководителям. С тем же Устиновым у него были налажены отличные взаимоотношения. Звоня ему по телефону, Горбачев шутливо спрашивал: «Товарищ командующий, какие будут указания по части сельского хозяйства?» Если Рябов, несмотря на свое кураторство самых важных сфер государственной деятельности, так и остался «просто» секретарем, то Горбачев уже в 1979 году стал кандидатом в члены политбюро, а в 1980-м, в неполные 50 лет, — членом политбюро, будучи всего лишь «аграрием».

У Горбачева была большая опытность по части аппаратных интриг, но он не обладал глубоким умом и серьезными знаниями. Он умел производить впечатление своим напором и энергичностью, но ни в чем не являлся профессионалом. Хитрость заменяла ему ум. Вообще, создается впечатление пустоты этого человека, бедности его внутрен-

него мира. Горбачев находился на своем месте, когда выполнял чьи-то указания, — чем и объясняется стремительность его карьеры. Когда же он оказался в роли первого человека страны, не подлежащего контролю, несчастья посыпались на нее как из рога изобилия. Сегодня очевидно, что потолком Михаила Сергеевича был пост первого секретаря крайкома.

Оказавшись в ЦК КПСС, Горбачев занялся разработкой продовольственной программы, которую сумел преподнести престарелому Леониду Брежневу как некую важную инициативу, способную решить перманентный продовольственный кризис. Программа представляла собой бессодержательную бюрократическую инициативу, не предполагавшую принципиальных изменений и уповавшую на административные рычаги. Все дальнейшие инициативы Горбачева, выдвигавшиеся им уже на посту генерального секретаря, отличались тем же самым — верой в то, что можно что-то изменить аппаратными перестановками, словесной мишурой.

Любопытно заметить, что будущий «либерал» и «демократ», работая в ЦК, ориентировался в первую очередь на таких консерваторов, как Юрий Андропов и Дмитрий Устинов. Хорошие отношения у него были и с когда-то работавшим на Ставрополье Михаилом Андреевичем Суловым, ставшим для либеральной интеллигенции своего рода жупелом. Напротив, с производственниками, такими как председатель Совета министров СССР Николай Александрович Тихонов, у него отношения не сложились. Опытный премьер довольно быстро разглядел в неумном карьере человека опасного и пытался противодействовать его восхождению и инициативам, но в этом он не преуспел. Устинов с Андроповым Горбачева прикрывали и способствовали расширению его полномочий. Вероятно, тогда Михаил Сергеевич проникся ненавистью к аппарату, что проявилось уже в перестройку, на рубеже 1970—1980-х годов, когда инициативы ретивого секретаря ЦК, «проталкивающего» свою продовольственную программу, встречали зачастую обоснованные возражения и в Госплане, и в Минфине, и в других ведомствах. Причудливым образом матерый до мозга костей аппаратчик Горбачев стал обличителем бюрократии. Схожий путь в свое время проделал Никита Сергеевич Хрущев.

После смерти Константина Черненко в марте 1985 года ни у кого не возникало и вопроса о том, кто станет следую-

шим генеральным секретарем. Я помню, что в свои 14 лет, когда по радио сообщили о кончине Черненко, спросил у родителей: «Теперь Горбачева изберут?» Его фамилия всплыла у меня сама собой — последний год он проявлял большую публичную активность, совершал зарубежные визиты, что было заметно не только в Москве, но и в провинции. К тому же после трех последовавших друг за другом смертей дряхлых вождей избрание очередного старика стало бы очевидной нелепостью. С неизбежностью и необходимостью назначения относительно молодого Михаила Сергеевича смирились даже его противники. Недаром его кандидатуру официально вынес на голосование министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, на то время самый старый член политбюро, как бы давая тем самым одобрение от лица ветеранов партийного руководства.

Ядерную сверхдержаву возглавляла олигархическая верхушка из десяти-пятнадцати человек, которые из своей среды выдвигали лидера, чьи полномочия были обширными, но не неограниченными. В дальнейшем уже сам лидер постепенно подбирал себе соратников, но с учетом сложных раскладов в высших эшелонах власти. Брежневу для формирования своей команды и удаления нежелательных лиц из политбюро понадобилось около десяти лет.

Придя к власти, Горбачев инициировал кадровую чистку, создавая собственный «актив». Главой правительства в 1985 году стал Николай Иванович Рыжков, 56-летний технократ, в прошлом директор Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаш) им. Серго Орджоникидзе, неформальным вторым секретарем (официально такой должности не существовало) — Егор Кузьмич Лигачев, принадлежавший к более старшему поколению, но 18 лет просидевший первым секретарем в Томске и теперь горевший желанием наверстать упущенное в Москве. Вообще, читая протоколы Политбюро КПСС того времени, замечаешь, насколько сильным было во всех них — и в Горбачеве, и в его соратниках — стремление доказать, что при Брежневе их напрасно недооценивали, не продвигали вверх, не прислушивались к их мнению. Теперь же, дорвавшись до власти, им хотелось быстрее продемонстрировать, на что они способны, и, соответственно, старались все поменять.

На апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 года Михаил Горбачев провозгласил курс на «ускорение», а в мае, выступая в Ленинграде, сказал: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться». Так началась «перестройка».

Советские люди поначалу с воодушевлением приняли нового генерального секретаря — молодой (на фоне шамкающих предшественников), говоривший без бумажки, приезжавший в различные города страны, отчего уже отвыкли при Андропове и Черненко, сравнительно симпатичный, несмотря на родимое пятно на голове. Не раздражали ни его южный акцент, ни манера всюду брать с собой супругу Раису Максимовну.

Однако уже первые практические решения Горбачева вызвали неоднозначные последствия. 7 мая 1985 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 410 («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения»), в развитие которого 16 мая вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения», который вводил соответствующие административные и уголовные наказания.

В народе эту кампанию окрестили «сухим законом». Инициировались различные ограничения на торговлю спиртным — его разрешали продавать только с 14.00 до 19.00, сокращалось количество магазинов, где оно продавалось, возрастали цены на водку. Для сильно пьющего уже не в одном поколении населения страны это было подобно шоку. Жившие в то время хорошо помнят дикие очереди за алкоголем по всей стране. Люди не могли враз отказаться от застарелой, пусть и смертельно опасной привычки, ставшей важной социокультурной традицией.

Ни одно празднество не мыслилось без водки. Вспоминаю, как в маленьком шахтерском городке, где мой отец работал первым секретарем горкома, к нам домой пришли соседи — у них намечались не то похороны, не то свадьба — с просьбой посодествовать в покупке скольких-то бутылок водки, которую было невозможно достать. Я с недоумением смотрел на них, не понимая — как можно так рваться за спиртным? При этом я не осознавал главного: привычная жизнь этих людей была покорежена грубым административным вмешательством. Теперь на несколько лет население СССР было обречено на унижительную давку в очередях за вином и водкой. И первая критика Горбачева началась именно там:

В шесть часов поет петух,
в восемь — Пугачева.
Магазин закрыт до трех,
ключ у Горбачева.

Но кроме безобидных частушек все чаще звучали и резкие высказывания. Антиалкогольная кампания, дав краткосрочный эффект по части увеличения продолжительности жизни и снижения смертности, показала, что застарелые проблемы невозможно решить наскоком и административными рычагами. Алкаши массово потребляли всевозможные спиртосодержащие субстанции, начиная от одеколona, кончая денатуратом и столярным клеем. Пышным цветом расцвело самогоноварение, породившее второй дефицит перестройки — сахар. Его исчезновение из свободной продажи стало первым ощутимым и явственным провалом горбачевской политики. Власть попыталась переложить всю вину на самогонщиков, но это было слишком простым объяснением, не учитывавшим ошибки в ценовой политике, производстве и распределении. Дефицит сахара вызвал введение талонов на него, первых из числа множества за ними последовавших в масштабе всей страны (талоны на продовольствие на местном уровне то там, то здесь вводились уже давно, но это явление еще не было всеохватным).

Реформаторская программа получила развитие на XXVII съезде КПСС в начале 1986 года. На нем впервые произошло нечто, ломающее привычные сценарии — генсек прервал выступление главы Союза кинематографистов Льва Александровича Кулиджанова словами: «Давайте не будем склонять Михаила Сергеевича». Хотя в выступлении кинорежиссера не было ничего особенно подхалимского, зал взорвался аплодисментами — руководитель страны дал урок партийной скромности.

Попутно Горбачев собирал свои кадры, в 1985—1987 годах на должности ключевых секретарей ЦК КПСС были выдвинуты Александр Николаевич Яковлев и Анатолий Иванович Лукьянов, а первым секретарем Московского горкома партии в декабре 1985-го был избран Борис Николаевич Ельцин. Сам Горбачев, в отличие от предшественников, решил не возглавлять одновременно Президиум Верховного Совета СССР и, таким образом, не становиться формальным главой страны, временно отдав эту должность Андрею Громыко, которого требовалось сместить с поста министра иностранных дел. Горбачеву на этой должности был нужен свой человек, который, по его мысли, смог бы привнести свежий подход во внешнюю политику. Таким, на удивление многих, стал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР.

Что касается армии, то для смены министра обороны Сергея Леонидовича Соколова пришлось ждать удобного повода, который настал в мае 1987 года, когда на Красную площадь сел частный самолет, пилотируемый летчиком-любителем из ФРГ Матиасом Рустом. Новым главой оборонного ведомства стал Дмитрий Тимофеевич Язов, ничем не примечательный генерал, недавно переведенный в Москву. Комитет государственной безопасности (КГБ) СССР до сентября 1988 года продолжал возглавлять Виктор Михайлович Чебриков, назначенный еще Андроповым.

Характерной для управленческого стиля Горбачева была попытка решить главную проблему СССР — неспособность прокормить собственное население. Инициированная им и принятая в 1982 году продовольственная программа не оказала никакого положительного эффекта на ситуацию со снабжением. Но, став генсеком, Горбачев уже ничем не ограничивался в своих планах, благо его ближайшие соратники, такие как Рыжков и Лигачев, были настроены на решительные перемены и поддерживали его начинания.

Горбачев пошел типично бюрократическим путем — вместо действенного решения проблемы он прибег к организационной перестройке управления сельским хозяйством. 14 ноября 1985 года был создан Государственный агропромышленный комитет (Госагропром) СССР на базе пяти союзных ведомств — министерств сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности, сельского строительства и Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства (Госкомсельхозтехника СССР). Во главе этого монстра Горбачев поставил (в статусе первого зампреда Совета министров) своего давнего соратника — Всеволода Серафимовича Мураховского, сменившего его в 1978 году на посту первого секретаря Ставропольского крайкома. Подобные агропромы были созданы во всех союзных республиках, областях и районах. Считалось, что если объединить в одних руках производство и переработку, а также сопутствующие сферы, то положение исправится.

Но ситуация на селе от бюрократических игр не улучшалась. В отсутствие подлинных реформ население не только по-прежнему плохо питалось, но и начало испытывать недостатки в снабжении там, где прежде этого не наблюдалось, как в случае с сахаром. Ответом Горбачева ста-

ли опять-таки аппаратные маневры. Госагропром СССР был распущен и заменен на Государственную комиссию Совета министров СССР по продовольствию и закупкам. Мураховского в качестве ее главы и также первого зампреда Совета министров сменил новый «сильный человек» — Владилен Валентинович Никитин. Через год ситуация оказалась еще хуже. Из продажи исчезли табачные изделия (они проходили по номенклатуре агропрома). Никитина отправляют в отставку, комиссию распускают и уже в правительстве Валентина Сергеевича Павлова возвращаются... к воссозданию Министерства сельского хозяйства и продовольствия с министром Вячеславом Ивановичем Черновиковым, ставшим последним аграрным руководителем СССР. К тому времени советские люди уже плотно сели на продовольственные талоны, по которым и шло их снабжение нормированными продуктами. А мир занимался поставками в СССР гуманитарной помощи, спасая население сверхдержавы от голода.

Не менее показательные процессы проходили в сельском хозяйстве уровнем ниже — в новосозданном Госагропроме РСФСР. В ответ на усугубление проблем в 1988 году было решено разделить его на два комитета, выделив особо... Госагропром Нечерноземной зоны РСФСР! Таким образом, сельским хозяйством России отныне занимались два ведомства — решение в духе хрущевского разделения обкомов на промышленные и сельские. Горбачев, неведомо для самого себя, оставался верным последователем Никиты Сергеевича, со страстью того к перетряскам и «изменениям структуры».

Неспособность привнести положительные изменения отличала Горбачева от успешных реформаторов второй половины 1980-х годов, таких как Дэн Сяопин и вьетнамские руководители, исходившие из практических потребностей народного хозяйства своих стран и под чьим руководством ситуация со снабжением населения продовольствием быстро улучшалась.

Стоит вообще заметить, что в годы перестройки был совсем не востребован китайский опыт. В Кремле никому и в голову не приходило хотя бы поинтересоваться тем, как идут дела у соседей. Это касалось как власти, так и быстро нарождающейся оппозиции, которая сплошь была ориентирована на Америку и требовала механического подражания США. И те и другие смотрели на Китай с высокомерным презрением.

Подобно тому как Горбачев «решал» проблемы сельского хозяйства, он занимался и промышленностью. Низкое качество советской продукции давно было притчей во языцех. Решение нашлось следующее — с 1 января 1987 года на полутора тысячах важнейших предприятиях была введена так называемая «госприемка» — специальная служба, сменившая прежние ОТК, административно входившие в заводскую вертикаль. Госприемка не подчинялась началству предприятия, а входила в структуру Государственного комитета СССР по стандартам (Госстандарта), ведомства прежде второстепенного, а ныне резко повысившего свою влияние. В 1989—1991 годах оно даже называлось Комитетом по управлению качеством продукции и стандартам.

Однако, как и в случае с сельским хозяйством, голое администрирование ничего не решало. Хозяйственники шли на всевозможные хитрости, чтобы обмануть госприемщиков (туда набирали отборные кадры, давали высокие оклады и премии), на Госстандарт оказывалось давление, чтобы он накладывал резолюцию: «Не возражаем против реализации продукции с отклонениями от ГОСТа, не влияющими на работоспособность изделия».

Проблему дефицита жилья попытались решить принятием программы «Жилье-2000». 17 апреля 1986 года вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». Власть торжественно пообещала, что каждая советская семья получит отдельную квартиру или дом к 2000 году. Опять начались реорганизации, Госкомитет СССР по делам строительства стал Государственным строительным комитетом. За незначительной переменной названия скрывалась управленческая революция, теперь Госстрой превращался из нормативного, ничем не руководившего ведомства, в реальный штаб строительства, были переименованы и опекаемые им министерства. Одно время в составе Госстроя на должности первого заместителя работал сам Борис Ельцин, что никак не сказалось на выполнении госпрограммы «Жилье-2000», более того, позже по его инициативе (он уже возглавлял профильный комитет в Верховном Совете СССР) было распущено Министерство строительных материалов, которому было поручено курировать эту программу.

Проблему запущенного дорожного строительства в Нечерноземье Горбачев решил исправить с помощью... ар-

мии. Специально для этой цели было создано Центральное дорожно-строительное управление Министерства обороны СССР. Нехватку и низкое качество бытовой техники в 1988 году попытались исправить роспуском Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и передачей его заводов в министерства... судостроительной и авиационной промышленности! Мол, в этих ведомствах поднимут технологическую дисциплину. И так происходило практически в любой отрасли — реорганизации, перестройки, словесная шумиха, обещания, а в итоге — почти всегда реальное ухудшение.

Стоит сказать и о пресловутом падении цен на нефть, которому иные историки приписывают едва ли не решающее значение в развале СССР. Как отмечает историк Александр Немировский, при максимуме нефтяных доходов в 1984—1985 годах Советский Союз получал за нефть около 13 миллиардов долларов в год. В 1985—1986-м цены на нее снизились втрое, что означало потерю около восьми миллиардов долларов. При этом ежегодная помощь одной только Кубе составляла от четырех до шести миллиардов долларов в год. В среднем семь миллиардов в год на рубеже 1970—1980-х затрачивалось на военно-техническую помощь просоветским странам третьего мира. Война в Афганистане и поддержка тамашнего режима «стоила» примерно тех же денег. Иными словами, достаточно было сократить геополитические расходы, отказаться от проектов по глобальному распространению своего влияния, и население не почувствовало бы эффекта от падения цен на «черное золото». Но Горбачев всячески медлил с этим.

О противоречивости перестроечного курса, отсутствии у его прорабов ясного видения целей и задач ярко свидетельствует следующий факт. 15 мая 1986 года постановлением ЦК КПСС началась всесоюзная кампания усиления борьбы с «нетрудовыми доходами». В рамках этой кампании запрещались «самовольное использование в корыстных целях транспортных средств, нарушение порядка занятия кустарно-ремесленными промыслами и другой индивидуальной трудовой деятельностью», а также «кормление скота хлебом». Наказание колебалось от денежного штрафа до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. Однако уже 19 ноября 1986 года был принят закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», прямо противоположный по содержанию. Но власти успели провести кампанию по борьбе с теплицами, разрушению

хозпостроек на приусадебных и дачных участках, страшно озлобившую население, которое вовсе не сочувствовало «борьбе со спекулянтами».

* * *

Первый этап перестройки завершился к 1987 году. Какими-либо достижениями похвастать было нельзя, народ уже раздражался бесконечными выступлениями Горбачева и постоянным присутствием его жены (это больше возмущало женскую часть населения). По стране прошелся вал анекдотов про генсека. Например: «Назовите трех великих комиков Советского Союза. Ответ — Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж». Было немало анекдотов остроумных, но совсем неприличных. Рождались и частушки на злобу дня:

По стране несется тройка:
Мишка! Райка! Перестройка!

.....

Водку мы теперь не пьем
И конфет не кушаем,
Зубы чистим кирпичом,
Перестройку слушаем.

.....

Перестройка — мать родная,
Хозрасчет — отец родной,
Не нужна родня такая,
Лучше буду сиротой.

.....

Раньше пили каждый день,
А теперь с получки.
Этот хрен с пятном на лбу
Доведет до ручки!

.....

Леня, милый, открой глазки.
Нет ни мяса, ни колбаски.
Нет ни водки, ни вина.
Радиация одна.

Реакция населения, несомненно, доходила до Михаила Горбачева. Ответом стала политическая реформа, погубившая советскую империю в короткие сроки.

Но тут необходимо немного отвлечься и вернуться на несколько месяцев назад. Одной из самых известных, но вместе с тем трагических частушек перестройки стала следующая:

Ускоренье — важный фактор,
Но не выдержал реактор,
И теперь наш мирный атом
Вся Европа кроет матом.

26 апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Она словно открыла череду катастроф огромного масштаба, равных которым прежде Советский Союз не знал. 31 августа 1986-го затонул пассажирский пароход «Адмирал Нахимов», погибли 423 человека. 7 августа 1987 года произошло столкновение грузового и пассажирского поездов в Ростовской области, погибли 106 человек. 4 июня 1988 года взорвались вагоны с взрывчаткой на железнодорожной станции Арзамас, погиб 91 человек и был причинен огромный материальный ущерб. 4 июня 1989 года взорвались пары газов, вытекавшие из трубопровода в Башкирии в тот момент, когда навстречу друг другу проходили два пассажирских поезда, погибли 575 человек. А самой крупной катастрофой, не техногенной, но природной, стало землетрясение в Армении 7 декабря 1988 года, унесшее жизни более 25 тысяч человек. Все эти трагические происшествия накладывали свой отпечаток на происходившее в стране, придавая перестройке зловеще-мрачный оттенок, впрочем, в народном творчестве они скорее осмыслились в традициях черного юмора:

Утопили пароход,
Пропустили самолет.
Наркоманов развели,
СПИД в Россию завезли,
И какая-то (зве)зда
Сводит с рельсов поезда.

Однако именно Чернобыль остался в памяти населения бывшего СССР и всего мира, став символом перестроечных потерь. Кроме того, авария решающим образом повлияла на информационную политику властей, послужив одной из побудительных причин «гласности», ставшей такой же визитной карточкой перестройки, как «ускорение» и «демократизация» (резиновую палку у появившихся омовцев прозвали «демократизатором»).

Советские люди узнали об аварии из вечернего выпуска теленовостей лишь 28 апреля. Из скупого сообщения трудно было сделать какие-либо выводы и осознать масштаб произошедшего. (Помню это по себе — в тот день я услышал в программе «Время» информацию об аварии на Чернобыльской АЭС, но не придавал особого значения, хотя некоторая напряженность между строк ощущалась. А ведь наша семья проживала именно в том районе, где произошло выпадение радиоактивных осадков, и спустя несколько лет я даже получал какие-то выплаты как пострадавший.)

Но на Западе началась настоящая информационная истерия, печатались сенсационные сообщения о тысячах погибших. Чтобы отвечать на мировое давление о подлинных масштабах случившегося, Горбачев принял решение радикально изменить информационную политику. Отныне новости стали открываться сообщениями из чернобыльской зоны. С головоотяпства проектировщиков и эксплуатантов реактора попытались сместить акцент на подвиг ликвидаторов, но общее впечатление все равно оставалось смазанным — именно в СССР с ядерной техникой произошла катастрофа с тяжелейшими последствиями.

Однако сам факт, что проблема не замалчивалась, выгодно отличал новейшую политику в области СМИ от того, что происходило прежде, когда о подобных происшествиях вообще было не принято информировать население. Стоит заметить, что ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС от Министерства обороны руководил Валентин Иванович Варенников, будущий узник Матросской Тишины по делу ГКЧП.

Так, к 1987 году появилась гласность — новое увлечение Горбачева. Но она была ему нужна не только как средство превращения техногенной катастрофы в триумф воли советского человека, спасающего природу и общество от радиоактивного загрязнения, но и для более важной для него цели — шельмования партаппарата, который к тому времени он стал считать своим главным противником, тормозящим его начинания. Вторым инструментом для этого стали состязательные выборы («демократизация»). В конце января 1987 года состоялся январский пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев выступил с докладом «О перестройке и кадровой политике партии», в нем он и наметил вышеуказанные изменения в политике. В некотором роде кадровую политику генсека можно считать аналогом 1937 года или культурной революции в Китае — избиение кадров внизу ру-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru